

Все авторы, писавшие о «семиотике», определяли ее как учение о знаках: Локк, Дальгарно, Ламберт, Гуссерль, Пирс, Соссюр, Моррис, Якобсон и Барт. О знаке как непосредственном предмете философских изысканий говорили многие, от Аристотеля, Августина, обоих Бэконов, Оккама и Гоббса вплоть до Кассирера и далее. Однако современная семиотика поставила под вопрос само понятие знака, причем сразу с двух направлений. С одной стороны, она считает его слишком широким и неопределенным, так что понятие знака теряется среди *фигур* — фигур как выражения, так и содержания; или же предметом рассмотрения становится исключительно внешний аспект — означающее. С другой стороны, она растворяет понятие знака как единицы, слишком ограниченной тканью высказывания — текстом — в игре лингвистических актов, в коммуникативном процессе, в речевом взаимодействии, в практике порождения смысла, в семиозисе. Там, где традиция говорила *de signis*, теперь существует целый ряд вполне академических дисциплин, подходов, классификаций.

Превратился ли знак в чисто теоретический объект, предельно обобщенный гипероним, вроде «вещи» или «субстанции»? Правы те, кто, сталкиваясь со стремлением семиотики говорить о знаках визуальных, вербальных, жестовых, проксемических, осязательных, обонятельных, естественных и искусственных, конвенциональных и мотивированных, индексальных и иконических и так далее, возражает, что применять понятие знака и к слову, и к атмосферному явлению, и к математическому символу — это в чистом виде метафорическая вольность.

Разумнее всего заключить, что перед нами ряд *семейных сходств*. А семейное сходство — понятие двойственное, одновременно ободряющее и разочаровывающее: с одной стороны, можно попытаться понять, что лежит в основе этих сходств, с другой, можно признать их чисто иллюзорной аналогией и уйти в сферу более специализированных исследований, не пытаясь достичь обобщающего синтеза.

1. Страх знака

В обзоре трудов по семиотике, опубликованном в журнале “London Review of Books” («Лондонское книжное обозрение»)* — и неважно, что предметом рассмотрения стала в том числе и моя книга, поскольку проблема, затронутая в обзоре, значительно шире, и я здесь не буду рассматривать критику, высказанную в адрес моей работы, — Роджер Скрутон утверждает, что семиологический или семиотический проект колеблется между «отдельными подходами — первый скромный, второй спекулятивный, третий основан на заблуждении».

Скромный подход состоит в поиске множественных смыслов в одном тексте. Скрутон усматривает некоторую «невоздержанность» в структурализме, который стремится

обнаружить в тексте значения, о которых не подозревает сам автор. Даже если забыть, что Скрутон с характерной островной наивностью отождествляет семиотику, структурализм и герменевтику как три стороны одного континентального заговора, любой достаточно начитанный человек заметит, что эта «невоздержанность» характерна, скорее, для постструктурализма. Однако проблема не в этом. Есть все основания усматривать в тексте смыслы, которые автор в него не вкладывал (достаточно вспомнить о классическом случае *gaffes* — ляпсусов); главная проблема — установить, что *легитимирует* одну интерпретацию по сравнению с другой. Скрутон знает это, но смешивает две проблемы. А вторую из них вовсе не назовешь «скромной», и очень жаль, что Скрутон отставляет ее в сторону и сразу набрасывается на второй подход.

А второй подход «касается распространенного спекулятивного представления, согласно которому способы человеческого познания не исчерпываются научным исследованием». В качестве примеров «спекуляции» Скрутон приводит феноменологию и Канта, отмечает, что эти спекуляции «никак не связаны с объяснением и предсказанием», но признает, что они представляют определенный интерес. Далее мы увидим, что общая семиотика как раз и должна являть собой нечто подобное. Скрутон мог бы согласиться с этим и сказать, что ему не нравятся спекуляции такого рода.

Но в этот момент он делает любопытный умственный кулбит. Он утверждает — без каких-либо доказательств, — что все семиологи стремятся основать науку по образцу естественных и к тому же — явное противоречие — требуют, чтобы эта естественная наука использовала категории лингвистики; далее он показывает, что эти два требования несовместимы (и если бы они действительно существовали, он был бы совершенно прав).

Однако проект, который Скрутон критикует как научный, не является таковым, скорее он относится к разряду называемых им спекулятивным, или философским. То есть он пытается доказать невозможность этого философского проекта (который, однако, не признает таковым), доказывая, что тот не соответствует его представлению о естественной науке.

В общем, Скрутон рассуждает как профан, incapable увидеть предмет, пока тот не будет продемонстрирован в философском рассуждении (а в отличие от других профанов, он не признает и само философское рассуждение).

При чтении любого семиотического текста надо понимать, что пишущий исходит из предпосылки, что семиозис происходит во многих сферах и далеко не ограничивается областью вербального языка. Далее можно спорить, удовлетворительно ли он описал его функционирование. Но эти два вопроса нельзя смешивать.

А теперь посмотрим, что делает Скрутон. Он анализирует пассаж, в котором Барт применил лингвистическую модель к кулинарии, и заявляет, что это не более чем аналогия. Можно было бы ожидать, что он скажет: если в кулинарии присутствует семиозис, то его следует искать и определять по-иному. Скрутон же заключает, что если решение, предложенное Бартом, неудовлетворительно, это значит, что а) кулинария не является знаковой системой и б) мечта о едином подходе к разным семиотическим системам не имеет под собой оснований.

На мой взгляд, подобный вывод возможен, только если Скрутон заранее решил, что бессмысленно искать семиозис в *меню*.

Теперь давайте из чистой любви к дискуссиям представим (в риторике такой прием называется *concessio*), что Барт заблуждался, пытаясь интерпретировать состав трапезы в лингвистических терминах парадигмы и синтагмы.

С другой стороны, Барт не стал бы спорить, что кулинария — это не язык в том смысле, в каком языком является суахили. Однако если некто подозревает, надеется, верит, предполагает, что в кулинарии происходит процесс означивания, ему не стоит останавливаться на этом: он должен спросить себя, существуют ли другие категории, которые можно применить к составу *меню*, и не позволяют ли эти другие категории лучше (по сравнению с категориями лингвистическими) выявить общие аспекты между вербальной речью и накрытым столом с обилием блюд.

Прието доказал, что многие визуальные семиотические системы не сводимы к лингвистической модели *двойного* членения. Однако полагая, что эти системы служат для порождения смыслов, он стал искать более универсальную модель членения. Одновременно он таким образом продемонстрировал существенные различия и интересные гомологические сходства между вербальным языком и сигнальными языками. На этом этапе можно было бы заключить, что модель Прието тоже не обладает универсальной применимостью, поскольку не объясняет многие другие семиотические системы, лишённые членения, а лишь помещает их все в какую-то неопределённую область. Тогда стоило бы сделать вывод, что членение не принадлежит к категориям общей семиотики и должно быть подчинено какой-то более широкой категории.

Но Скрутон заранее решил, что любой семиолог стремится создать естественную науку о знаках — «естественную» и при этом основанную на лингвистических категориях. Поэтому «в отсутствие утверждения, что такая наука возможна, постоянные заимствования из технической терминологии лингвистики для описания всех разнообразных вещей, из соображений моды называемых «знаками», являются не чем иным, как своего рода алхимией, создающей иллюзию метода, который фактически не существует».

На самом деле Скрутон пишет «in the absence of the fact of it»¹, что плохо переводимо на итальянский, но дела это не меняет. Он говорит о методе, который *фактически* не существует. Но если всё написанное мною в этом эссе хоть сколько-нибудь достоверно, мы можем говорить о методе (именно в смысле системы единых понятий), не как о факте, поскольку он не задан изначально, но как о поставленной проблеме.

Скрутон же пытается доказать, что этот метод не может быть разработан в принципе, и переходит в своих рассуждениях к третьему подходу:

Я считаю, что сама идея общей науки о знаках базируется на заблуждении. Что необходимо для существования науки? Есть наука о рыбах, поскольку рыбы устроены сходным образом, подчиняются сходным законам, обладают определенной сущностью, даже если выйти за рамки очевидных фактов, на основании которых мы называем рыб рыбами. (Рыбы составляют «естественный» род объектов.) Пуговицы же не обладают такой сущностью и не имеют общей идентичности за пределами своей всем известной функции. Не может быть науки об *устройстве* пуговиц: если появится наука о пуговицах, это будет наука об их функции. Знаки больше напоминают пуговицы, чем рыб, и общая наука о знаках будет наукой не об их устройстве, а об их функции. Но какова эта функция? Семиология говорит о языке, о дорожных знаках, о выражениях лица, о еде, одежде, фотографии, архитектуре, геральдике, плетении корзин, музыке. Можем ли мы сказать, что всё это «знаки» в одном и том же смысле или хоть в каком-то смысле? Слово

¹ в отсутствии факта этого (англ.).

«знак» имеет множество значений и относится к множеству функций. Можем ли мы заключить, что облако означает дождь в том же смысле, в каком *Je t'ennuie* означает, что мне скучно? Конечно нет, поскольку облако не может обладать той же функцией, что и фраза. С научной точки зрения можно предположить, что здесь речь идет не об одной вещи, а о тысячах. То общее, что объединяет все эти вещи — лишь небольшая поверхностная черта, обычно хорошо знакомая нам, как знакома нам функция пуговиц. Если некая общая сущность «знаков» и существует, она, конечно, не особенно глубока, семиология же делает вид, что она очень глубока.

Пользуясь выражением Скрутона, вся эта аргументация базируется сразу на многих заблуждениях. *На поверхности* между облаком и фразой вроде бы нет ничего общего. В первой главе своей «Семиотики и философии языка»* я попытался показать, как классическая мысль противилась отождествлению природных знаков и слов. Соответственно, если есть что-то общее между облаком и фразой, это что-то лежит не на поверхности, а очень глубоко.

Интуитивно понятно, что есть нечто общее между вербальным сообщением «переход запрещен» и красным сигналом светофора. Многие языки в обоих случаях говорят о знаке. Скрутон заметил бы, что черта, объединяющая эти два явления, — не более чем внешнее сходство, подобно общей функции пуговиц. Нечто не особенно глубокое. Но почему бы не обратить внимание на не особенно глубокие сходства? Семиотика — это философия, поскольку, как и философия, она реагирует удивлением, когда (как сказал бы Пирс) «мы обнаруживаем весьма любопытные обстоятельства, которые можно было бы